

Отзыв на книгу "Позывной Акация: записки военного хирурга"

Родионова Ю.В.

В середине марта в издательстве "Литрес" вышла книга **"Позывной Акация: записки военного хирурга"** Антона Николаевича Казанцева, который сейчас работает военным хирургом в зоне Специальной военной операции (<https://www.litres.ru/book/anton-kazancev/pozyvnoy-akaciya-zapiski-voennogo-hirurga-73528733/>). Книга состоит из двадцати четырех частей (глав), каждую из которых можно рассматривать как отдельную новеллу. Эти части не просто описывают события, людей или обстоятельства, но в каждую из них заложен определенный вопрос для осмысления читателем — жизненный, глубинный, непростой.

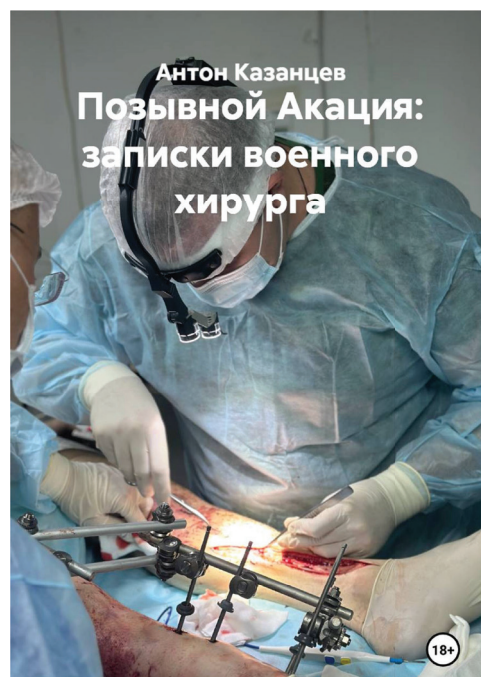
Первая часть посвящена описанию подземного госпиталя и условиям работы врачей, над головами которых рвутся снаряды. Глава проводит контраст между сегодняшним днем и мирной жизнью, оставленной в прошлом. "Росток жизни пробился через камень" — очень точная аллегория, описывающая грань между смертью и возвращением к жизни, благодаря умению и знаниям хирурга, который дает возможность продолжиться цепочке воспоминаний о родном доме и матери к ощущениям и новым воспоминаниям, связанным со "второй жизнью" после тяжелого ранения.

"Он почувствовал, как откуда-то издалека, сквозь толщу земли и ужаса, к нему тянется тонкая, невидимая, но невероятно прочная нить её ожидания. Она держала его. Она вытянула его обратно".

Глава поднимает еще один вопрос — важности ожидания, молитв и любви близких, которые непостижимым образом поддерживают бойцов:

"Я видел твой свет даже под землёй". Также показана важность постоянной эмоциональной поддержки в виде ожидания возвращения как части ежедневной и постоянной работы над собой, чтобы пережить страх и сомнения. "...её любовь, как тот самый луч света, нашла его в крошечной тьме и привела домой. Пока ещё не физически. Но он уже был в пути. И она будет ждать".

Во *второй части* автор описывает людей, с которыми он работает в военном госпитале. Эти замечания, порой едкие или сатирические, показывают, насколько хорошо разные люди, которые могли бы совершенно неужиться в мирное время, сейчас работают как слаженный механизм, объединенный общим делом. Описание быта госпиталя, порой, может

приводить в ужас — не к такой обстановке в операционной читатели привыкли: она должна быть светлой, тихой и стерильной, а здесь — нам приходится погружаться в историю, которую мы зачастую не хотим вспоминать. Если кто-то из читателей не был в музее в Аджимушкайских каменоломнях, рядом с Керчью, — мой совет, туда съездить, чтобы не оставалось иллюзий, как может выглядеть операционная в военное время и как выглядел военный госпиталь во время Великой отечественной войны в еще более тяжелых условиях. "А я сижу и пишу эти записки. Для кого? Не знаю. Может, для себя, чтобы не забыть. Может, для вас, чтобы знали: в земле, в сырости, без света и благ цивилизации, можно жить. И даже смеяться", — возможно, это очень точное замечание автора книги: история пишется сейчас очевидцами событий, чтобы потом быть осмысленной историками будущего.

Третья часть посвящена хирургу-травматологу по имени Табиб. Основной мыслью через всю часть проходит "желание победить" и не признавать свое поражение, какими бы тяжелыми не казались рана или увечье. Именно это чувство изгоняет уныние и является ценным лекарством. В главе есть интересный отрывок под заголовком "Жестяная коробка".

"— За каждую спасенную конечность, которую человек реально сможет использовать, — тихо объяснил он. Я впервые слышал в его голосе такую интонацию — не хирургическую твердость, не ироническую издевку, а что-то глубоко личное, почти исповедальное. — Не просто ампутацию предотвратили, а именно вернули функцию. Ходьбу. Хват. Один камень".

Это очень важное замечание, потому что настоящий врач — не ремесленник, которому достаточно провести ампутацию, сформировать культю, отправить больного дальше по этапу и забыть о нем. Настоящий врач всегда смотрит далеко вперед, представляя жизнь пациента на стадии реабилитации, в мирной жизни, в семейном кругу. И ему важно приложить все усилия, чтобы спасти конечность пациента. Для врача — это осознание победы является маленьким камнем в "жестяную коробку", полную воспоминаний, а для пациента — возможностью прожить жизнь, найти себя, понять свое предназначение и тоже победить.

"— Ты — человек, который кладет камни в коробку, — сказал я наконец, тщательно подбирая слова. — Эгоист не стал бы этого делать. Эгоист считал бы спасенные жизни своим профессиональным трофеем. А ты... ты считаешь их долгом. Каждый камень — это твой долг перед тем человеком, которому ты вернул будущее. И перед своей семьей тоже. Потому что, делая это здесь, ты защищаешь и их пустые стулья. Чтобы они оставались всего лишь временно пустыми, а не навсегда".

В *четвертой главе* описан случай взаимодействия автора и подобранного больного котенка. Очень эмоционально написанный текст, рассказывающий сначала о тех сомнениях, которые обычно охватывают человека, когда он видит брошенное животное, нуждающееся в помощи, и о тех радостях, которые получает принявший на себя миссию — вылечить и спасти. Однако, на мой взгляд, глава посвящена более глубоким переживаниям: красочному построению планов на будущее, которые становятся почти реальными и осязаемыми и глубокому переживанию "катарсиса", когда планам не суждено сбыться.

"И тогда, там, на холодном пороге пустого блиндажа, под безразличными звездами, со мной случилось то, чего не было ни после самых страшных операций, ни после потерь товарищей, ни от собственного страха. В горле встал огромный, рвущийся наружу ком. Глаза застила горячая, соленая пелена. Сначала просто потекли слезы, тихие, скупые. Потом плечи затряслись. А потом я рухнул с колен вперед, на холодную, жесткую землю перед порогом, туда, где он обычно сидел, и зарыдал.

Это не были слезы. Это был вопль. Немой, раздирающий изнутри. Тело билось в судорогах, ры-

дания выламывались из груди хриплыми, утробными звуками, которых я сам от себя не слышал никогда. Я бился лбом о мерзлую землю, хватая ртом воздух, которого не хватало. Я плакал за него — за его возможный страх, за его холод, за его ожидание, которое я не оправдал. Я плакал за себя — за всю накопленную, невыплаканную боль войны, которая нашла, наконец, выход через эту крошечную, зияющую рану потери. Я плакал как ребенок, как мать, потерявшая дитя, как душа, у которой отняли последний свет. Слезы текли по грязной земле, смешиваясь с пылью, с прошлым, с бессилием. Я спас столько жизней, но не смог уберечь одну единственную, самую важную. Ту, что спасла меня. Лес молчал. Война, казалось, отступила дальше, но она успела сделать свой последний, самый изощренный выстрел. Не в тело — в душу.

И лес, этот вечный, холодный и безучастный лес, принял свое обратно. Он забрал. Забрал мою маленькую, хрупкую, мурлыкающую душу, которую я так и не довез до дома. Навсегда. А я остался. С билетами на двоих в кармане. С планами на полочку у окна. С пустотой внутри, огромной и звонкой, как тот самый блиндаж. И с тихим, безутешным воем, который теперь будет жить во мне вместо мурлыканья. До конца дней".

В *пятой главе* автор рассказывает о своем первом пациенте с позывным "Мясник". В его случае ранение голени было достаточно серьезным, и можно было быстро ампутировать ногу ниже колена, и больной остался бы жив, но инвалидом. Однако врач сделал микрохирургическую операцию: спас конечность, подарил бойцу шанс. Через шесть месяцев этот же пациент вновь попадает на стол к хирургу с ранением этой же ноги. Во время повторной реабилитации "Мясник" рассказывает врачу о своих планах в мирной жизни — восстановить яблоневый сад, построить беседку, зажарить шашлык на мангале и пригласить доктора с семьей.

"Это была мантра, заклинание, которое он создавал, чтобы отгородиться от ужаса, который был здесь, за стенами. Обязательно приеду, — пообещал я. И это была не пустая вежливость. Я очень хотел в этот его мир, который он так ясно нарисовал".

Еще через полгода пришли известия, что Сергей "Мясник" погиб смертью храбрых, спасая семерых солдат своего взвода от дрона-камикадзе.

И здесь можно создать некоторую аллюзию. Автор все правильно пишет — лично и эмоционально для себя он этот вопрос закрывает:

"В нашем городском парке, где гуляют семьи, есть аллея, посаженная в память о погибших. Я посадил там яблоню. Небольшую, крепкую. И прикрепил к ней табличку. Не с именем, не с датами. Там всего две строчки: "Тому, кто меч-

тал о саде и спас своих друзей. От доктора, который помнит".

Но можно рассудить иначе — почему этот эпизод оказался записанным? Вопрос не был разрешен автором до конца — спасая ногу и давая "шанс", врач совершил и нечто большее — "Мясник" оказался именно в то время и в том месте, чтобы совершить свой подвиг, выполнить свое предназначение. Таким образом — автор дает возможность читателям додумать сюжет: представить "сад расходящихся тропок"¹ и увидеть фигуру врача на развилке.

Шестая часть, на мой взгляд, неразрывно связана с пятой, здесь описывается случай, когда врач непосредственно сам становится участником магического принятия решения о жизни и смерти, отдавая своему пациенту часть себя и пытаясь осмыслить свое место в этой череде историй. Сначала он задается вопросом о том, почему он ушел из мирной жизни, которой дорожил — "Я был архитектором спасения, действующим по четкому, отработанному до автоматизма плану" — к другим пациентам по внутреннему зову долга — "где мои руки могли понадобиться куда больше". Врач принимает решение поделиться своей кровью, чтобы спасти жизнь умирающему бойцу. Неизвестный боец выживает и отправляется на следующий этап реабилитации.

"День, когда я заново понял, что такое жизнь. И что иногда, чтобы ее удержать, нужно не просто оперировать. Нужно сунуть руки в самое пекло, в самое сердце тьмы, и не отпускать, пока в твоих ладонях не забьется хрупкий, упрямый ритм надежды. Тук-тук. Тук-тук... И всё. Без имени. Без благодарности. Только пустая койка и шум вертолета в небе, уносящий с собой кусочек твоей собственной крови и тишину, которая теперь звучала немного иначе".

Глава поднимает скрытый вопрос — что такое благодарность для врача, есть ли у этого чувства качество и мера или врач, проживая ситуацию в операционной, сам определяет это качество?

Седьмая часть повествует о героизме и рождении легенд: чтобы имя героя не потерялось в потоке жизни, потому что этот человек при жизни вряд ли мнил себя увековеченным в истории.

"— Жить? — фельдшер фыркнул. — Тут все хотят жить. Но не у всех получается. Некоторым для этого нужна маленькая, злая фея с санитарной сумкой".

Речь о медсестре по имени Оксана с позывным "Пчела". Нужно отметить, что и в нашей историографии медицины достаточно мало работ, которые посвящены осмыслению роли и подвигам младшего медицинского персонала на полях войны, еще меньше — объясняет, почему эти люди принимают на себя все эти тяготы и совершают поступки немыслимой

храбрости с точки зрения мирного обывателя. Но такие поступки люди совершают теперь не в прошлом, а в настоящем.

"Представляешь, док, — хрипел молоденький солдат Ваня, попавший сюда с ампутированной ногой, — я лежу, понимаешь, в воронке от "прилета". Ребра, кажись, поломаны, дышать больно, в ушах звон. Думаю, все, кранты. А тут слышу: шуршание, потом по лицу кто-то бьет. Открываю глаза — девчонка. Лицо в грязи, каска набекрень. "Чего разлегся, красавчик? — говорит. — Подъем!" И тащит меня, сто кило живого веса, как мешок с картошкой. А сама чуть больше этого мешка".

Автор книги подробно рассказывает о случае одного бойца с позывным "Октябрь", используя контрасты для разграничения "двух миров": мир жизни — "осенний парк", "золотые листья", "смеющийся, беззаботный мужчина", "радостно вскинувший руки" и мир смерти — "вонючем, холодном аду", "сжежившийся в мокрой, замерзшей камуфляжной форме", "землисто-серое лицо", "губы синюшные". И медицинская сестра в этом случае выступает в образе перевозчика или проводника между двумя мирами — живыми и мертвыми. "Все уже отпели. А она... вылезла. Как черт из табакерки. С ним". Читатели узнают подробности этого случая, как раненый боец пролежал в подвале без воды и с начинающимся сепсисом, как до него добралась медсестра и целый день просидела рядом в ста метрах, постоянно подбадривая шутками, разговорами, песнями, не давая уснуть. Когда улетел дрон-камикадзе, то "Пчела" сумела добраться до теряющего сознание бойца.

"Это был двухкилометровый марафон по полю, насквозь простреливаемому снайперами и накрываемому минометным огнем. Она тащила его. Ползком. На своем хрупком теле. Сто килограмм живого веса, брони, оружия".

Как оценить этот героический труд, осознать, что произошло? И медицинская сестра, вытаскивающая солдат с поля боя, является, как и врач, тем "ангелом", который дает шанс на жизнь: "своими руками, коленями, ногтями, сорвавшимися в кровь", упрямством, смехом, подвигом. Однако конец у этой главы — трагический — легенда гибнет, и автор книги приводит свидетельства ее последних минут жизни.

"Была обида. Дикая, несправедливая обида... Для меня, как и для всех, она так и осталась Пчелой. Легендой, которую война съела и перемолола в очередную статистическую единицу".

Однако "легенды не умирают" и именно поэтому, родилась эта глава, собранная из многих свидетельств, "чтобы тот свет, который она несла, не погас окончательно".

Часть восьмая "Такие же обычные люди" посвящена не только быту работников военного госпиталя, но автор пытается их более подробнее описать,

¹ Хорхе Луис Борхес "Сад расходящихся тропок".

не без толики юмора, перечисляя по позывным — Доцент, Новокаин, Тагил, Росток, майор Восток, капитан Код, майор Дэкстэр, Король — каждому из них посвящена небольшая история. Для автора важно написать не только смешной рассказ, который кто-нибудь прочтет, а показать, что героями бывают и те, кто "с тазиком для стирки, лопатой и скальпелем, готовые в любой момент отложить одно и взять другое, спасая то, что важнее всего — кусочек жизни, теплящийся под метром земли и гниющих бревен". На самом деле — глава очень интересная, потому что читатель подробнее знакомится с судьбами и историями людей, которые на передовой организуют медицинскую помощь и спасение для раненых. По утверждению автора — приходили одни, потом другие, каждый оставлял какую-то смешную историю, привычку или предмет, каждый существовал "между небом и землей, между жизнью и смертью", эта вся информация и легла в основу главы.

Девятую главу сам автор характеризует "драмой с элементами триллера и медицинского хоррора". Что делать хирургу без рук? Или только с полноценно-работающей одной рукой? Автор описывает случай травмы, с которой он не мог полноценно оперировать — для работы нужны обе руки и отсутствие боли в этих руках. Он научился справляться со своим состоянием во время лечения, но когда ему предложили уехать и подлечиться в большом госпитале, то возникли внутренние вопросы, которые появляются у любого человека, переосмысливающего свой следующий шаг. На одной чаше весов была тихая палата, белые халаты, которые не пахнут порохом, горячий душ, возможность выспаться, а с другой — то, что оплачивается сном, нервами и здоровьем — "часть ребят, которая умрет на столе, потому что у того, кто придет мне на смену, не будет нашего с Доцентом немного языка взглядов, нашего с Королем понимания без слов". Опытный врач — это еще память, "библиотека сосудистых доступов и анастомозов", и если ее убрать, то и часть знаний как бы умрет. Поэтому нужно отметить важность преимущества знаний — эта мысль будет более подробно отражена в двадцать второй части.

"Я почувствовал лишь простую, тяжелую, как бревно от потолка нашего госпиталя, истину: мое место — здесь. Потому что я уже стал частью этого организма. И отрезать часть — всегда больно и опасно для целого".

Следующая *десятая глава* является продолжением этой истории, описывает "мир для левши", поскольку больную руку пришлось заключить в гипс. "Мысль о том, что я, возможно, больше никогда не возьму в руки скальпель, была страшнее любой боли". Поэтому автор озаглавливает ее цитатой: "Сбили с ног — сражайся на коленях. Если не можешь идти — наступай лежа". Однако судьба преподносит сюрпризы — и гипс пришлось разбить, чтобы экстренно опе-

рировать больного. Потом выживший больной спрашивает врача: "А вы... вы руку свою сломали. Для меня. Для ноги моей. Вы рисковали... из-за меня... Почему?". Это еще один вопрос для читателя, который дается автором для осмысления: почему врач может рискнуть здоровьем и профессиональным ради жизни пациента? Автор сам отвечает на него так:

"Я не знал, что ответить. Как объяснить, что это не подвиг. Что это просто работа. Что это просто невозможно — смотреть, как молодой парень, у которого за душой ничего нет, кроме этой самой жизни и этих самых ног, теряет все".

И тут же добавляет, что, возможно, причина и в некотором ожидании "чуда":

"Война — это страшно. Это боль, кровь, смерть.

Но даже на войне, в самом пекле, в грязи, в подземном госпитале, где не хватает рук и лекарств, остается место для чуда. Для чуда человеческого участия. Для того, чтобы один человек, рискуя своим здоровьем, а может, и жизнью, подарил другому надежду".

Глава заканчивается библейской цитатой из Нового Завета: "Ибо нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих"², автор добавляет — "А здесь все были свои. Все были братья".

Одиннадцатая часть посвящена женам военных — и она представляется очень важной для всего повествования, потому что показывает восприятие ситуации и глазами военных, и глазами членов их семей из мирной жизни. Большая часть эмоциональных переживаний направлена на жен и детей, которые живут в отсутствии мужа и отца, беспокоятся о его благополучном возвращении, и он (автор описывает свою ситуацию), в свою очередь, переживает о том, что не видит каждодневно, как растет и взрослеет его ребенок, не может полноценно взять на себя заботу о жене. И это очень важная тема, которая затрагивает многих, и на страницах книги о ней говорится открыто, заставляя любого читателя, разной степени вовлеченности в дела Специальной военной операции — сопереживать и задумываться над новыми смыслами, которые подает современная изменившаяся жизнь. Первая проблема — не в принятии решения и не подписании контракта — все взрослые люди и принимают решение за себя, а в том — как донести этот выбор до членов семьи, чтобы они его приняли и поняли с такой деликатностью, чтобы осознанное решение не превратилось в выматывающую и мучительную обузу.

"Там нужны хирурги, Лиза. Очень нужны. Я не могу сидеть здесь, когда пацаны умирают от потери крови, которую я мог бы остановить. Я давал клятву. Не только стране. Себе".

Если семья достойно примет решение отца, мужа или сына, что для него существуют ценности

² Ин 15:13.

экзистенциальные — другие, которые нельзя положить на чашу весов или категорировать, то окажет максимальную поддержку. "Мы будем ждать", "Обещай, что будешь беречь себя", "Ты нам нужен живым" — кажется, самые правильные слова, которые хочет услышать каждый солдат. Ожидание, ощущение незащищенности, "без мужского плеча", "без возможности прижаться" — это только малая часть тех эмоциональных переживаний семьи, с которыми она столкнется.

У бойцов тоже есть свои страхи — дойдет ли письмо с фронта, страх привыкнуть к мирной жизни во время отпуска, страх нового расставания, страх не выполнить обещание приехать к определенной дате. Тяжело переживаются праздники в разлуке — государственные (Новый Год), семейные торжества, дни рождения. Мужчины многое пропускают из жизни своих детей — "первые успехи, первые обиды, первые драки в песочнице... первую любовь". Дети учатся взрослеть на расстоянии, через письма и рисунки. Родители ежедневно молятся за сыновей. Жены жертвуют своей молодостью, женским счастьем, здоровьем.

Жена военного врача — это особая каста, отмечает автор. "Она не может ныть, потому что, если она расклеится, кто поднимет ребенка? Она не может злиться на меня, потому что я там, где гибнут люди, и злиться на меня — все равно что злиться на врача скорой, который уехал спасать". Жена врача носит страх в себе, понимая, что ее муж жертвует собой, чтобы не оставить других женщин вдовами и детей сиротами.

В этой главе автор раскрывает еще одну важную тему — о чем мечтает военный врач на передовой? Чтобы Специальная военная операция закончилась, и мужья вернулись к женам, детям, к спокойной жизни — когда папа приходит с работы каждый вечер, когда пропадет страх перед звонками с незнакомых номеров, когда семья соберется на большой праздник и будет чувствовать себя единой и счастливой.

"Когда я стою у операционного стола и вижу молодого пацана, у которого осколком перебило руку, я думаю: "Боже, пусть он выживет. Пусть он вернется к своей маме, к своей девушке". Потому что я знаю, как это важно. Я знаю цену возвращения".

Часть двенадцатая не снимает напряжения эмоций при чтении книги: она озаглавлена "Бобик" и в ней рассказана "история о верности, которая сильнее войны, и о любви, способной на самое высокое самопожертвование". Глава повествует о щенке, спасенном фельдшером Петровичем, который того выходил и вылечил. Однажды машина, в которой ехал Петрович, была обстреляна. Бобик нашел своего раненого хозяина, привел на помощь людей, но погиб, подорвавшись на mine на обратном пути, и спас всю отправленную группу.

"Мы осторожно, проверяя каждый сантиметр, подползли. Он был мертв. Смерть была мгновенной. На его морде не было ни боли, ни страха. Она была спокойной. Его медовые глаза, еще открытые, смотрели в сторону носилок с Петровичем. В последнее мгновение своей жизни он смотрел на того, кого спас. Мы стояли вокруг него в гробовом молчании. Фельдшер, самый младший из нас, тихо всхлипывал, уткнувшись лицом в рукав. Потом я наклонился и осторожно закрыл ему глаза. Мы завернули его в тот самый дождевик, на котором лежал Петрович, и понесли домой. Вместе с ним и спасенным им человеком".

Часть, пожалуй, самая тяжелая для прочтения — люди больше эмоционально реагируют на смерть животного — так мы привыкли и были воспитаны. Смерть других людей нам меньше знакома и психологически легче отодвигается в сознании в условиях мирного времени, меньше переживается или сопереживается, пока не приходит, например, не вовремя в семью. Посвящая этой истории отдельную главу, автор, возможно, пытается показать, что военные врачи, которые сталкиваются со смертью ежедневно, сами испытывают сильнейшую боль от потери существа, которое спасало любовью и верностью от одиночества.

Часть тринадцатая — о чудесах. Автор приводит в ней примеры удивительных случаев, которые "не укладывались в логику, в медицинские учебники, в саму идею вероятности". Глава заканчивается описанием празднования Пасхальной ночи. Автор называет врачей свидетелями чудес, свидетелями того, что "жизнь цепляется. Борется. И побеждает. Не всегда. Но побеждает".

Четырнадцатая часть посвящена волонтерам — тому, как воспринимаются эти героические люди, курсирующие с посылками между тылом и передовой: "Мы называем их "гуманитарщиками". Не военные, не бойцы — просто люди, которые по доброй воле едут в ад, чтобы привезти нам то, без чего трудно работать". Письма от школьников — важная часть поддержки бойцов, "бумага впитывает тепло детских рук", "в комнату входит запах дома". Автор приводит отрывки из этих писем и рассказывает историю своей переписки с девочкой Аней. Поначалу он отвечать не хотел, но спустя некоторое время его зацепил вопрос: больно ли быть хирургом? После гибели пациента хирург жалеет, что не смог его спасти, хотя мог бы успокоить себя тем, что спас тридцать других. В ответном письме Ане он признается, что хирургом быть больно, но если удастся спасти человека, то это стоит всей боли. В главе приводится еще один эпизод, показывающий героизм волонтеров: разбомбили машину с медикаментами, раненые люди в сильный мороз тащили ящики пять километров до госпиталя ("Антибиотики спасли троих. Плазма — двоих. Обезболивающие хватило на всех. А письма

мы разбирали три дня"). Однако автор заканчивает эту часть словами "обычная рутинная служба", показывая разное восприятие критических обстоятельств с точки зрения военного человека и человека из мирной жизни.

В *пятнадцатой части* "Шахтеры" целиком опубликован рассказ другого свидетеля событий — хирурга подземного госпиталя Анны Ивановны. Глава выдержана в другом стиле, более кратком, несколько прерывистом, с деталями из воспоминаний героя повествования по имени Максим, диалогами и описанием действия. Однако эта глава очень важна, поскольку отвечает на некоторые вопросы, которые обязательно встают перед выжившими бойцами: как жить дальше с инвалидностью? Как справиться с воспоминаниями о погибших друзьях? На эти вопросы и отвечает история Максима: он полз пять суток с ранениями ног и сохранил жетоны и память о своих товарищах. Потом была операция, потеря обеих ног, реабилитация и протезы. Герой стал волонтером и возил гуманитарные грузы на передовую, в госпитали, в расположения частей. Зачем он это делает? Ведь мог бы вернуться домой к жене и детям.

"Когда его спрашивали, зачем он это делает, ведь у него самого семья, дети, он отвечал: У меня там, — он показывал на сердце, — два жетона лежат. Толян и Федя. Они меня попросили за них дожить. Я и доживаю. А просто так, на диване, это не жизнь. Жизнь — она там, где больно, где трудно, но где ты нужен".

Рассказ заканчивается описанием счастливой семьи, в которую вернулся Максим. "Ну что, орлы, — сказал он тихо. — Живу за вас. Дочка вон растёт, сын мужает. Саша меня любит. Дом достраиваем. Всё как вы хотели". И очень важный вывод — Максим победил смерть ради сохранения памяти о своих товарищах, ради того, чтобы этот рассказ был записан, ради того, чтобы был прочитан.

В *шестнадцатой части* автор рассказывает еще об одном аспекте своей жизни: раз в месяц он заступает на суточное дежурство по обороне периметра от беспилотников. Глава объемная по описанию, но и важная, судя по тому вопросу, который пытается разрешить автор: "Страшно ли, когда в тебя летит?", перефразируя немного — что именно может страшить человека на войне? И получает ответ, что "самое страшное — это когда ты винишь себя потому, что чего-то не сделал": если генератор встанет в операционной во время операции, если простыней не хватит раненому и т.д. И картина окружающего мира выстраивается по маленькому кирпичику множественностью людей, которые следят за наличием солярки или наполняемостью госпитальной аптеки.

"И я подумал: а ведь это и есть жизнь. Каждый день — операции, снаружи — война, раз в месяц — пост с ружьем. А между этим — люди, которых мы спасаем, и те, кто спасает нас".

Семнадцатая часть с названием "Акушер-гинеколог" рассказывает читателю о враче с необычной специализацией, но который оказался в военном госпитале. Автор продолжает задавать вопросы, который его волнуют, уже новому человеку: что именно для врача означает его работа? Что для него — самое страшное? И в тексте приводится довольно специфический ответ: "иногда ловлю себя на мысли, что всё еще принимаю роды. Только здесь матери — это Родина, а дети — это вот эти пацаны, которых мы штопаем. Каждый раз, когда я зашиваю рану, я представляю, что помогаю появиться на свет новой жизни. Только жизнь эта уже есть, и моя задача — сделать так, чтобы она не прервалась". А самое страшное — "это когда что-то идет не так, и ты не можешь помочь ребенку родиться здоровым". В этом контексте еще важно отметить отношение (восприятие) врача другой специализации к своей работе. Он говорит и о разности запахов в операционных, о парне, которого он спас — "если у него будут дети, значит, часть моей работы акушером останется с ним навсегда", о том, что каждый "дарит частичку той нежности" своему пациенту.

Часть восемнадцатая посвящена не врачу, а охраннику подземного госпиталя, и поднимает еще одну проблему — восприятия значимости места, в котором пребывает мужчина: что важнее — быть в охране или на передовой? Автор получает ответ на свой вопрос — каждый выбирает свое место — на передовой нужны здоровые бойцы, и долг отданный там может дальше отдаваться и в более спокойном месте, если есть опасность подвести людей по причине болезни. Человек с увечной рукой, но обладающий опытом, может пригодиться и в охране. Раскрывающаяся история Игоря показывает, что он обладает волей и может совершить подвиг. "Человек, который решил умереть, но не сдаться, — резюмирует автор, — уже ничего не боится в этой жизни. Он перешагнул черту". В главу встроены несколько эпизодов, показывающих, что бывший заключенный, подписавший контракт — меняется, он способен к сочувствию и принятию ответственности, может держать оборону, защищая госпиталь от прорвавшегося неприятеля, мечтает о нормальной жизни.

"Я часто думаю о том, что такое подвиг. Раньше я думал, что это что-то яркое, героическое, со взрывами и орденами. Но теперь я знаю: подвиг — это каждый день Игоря. Это его тихое мужество. Это его изувеченная рука. Это его четки на шее. Это его умение быть добрым после стольких лет зла... Я напишу о нём. Об охраннике с позывным Игорь. Чтобы знали: среди нас живут святые. В грязных берцах, с автоматами наперевес, с больными руками и чистыми душами".

В *девятнадцатой главе* автор описывает комическую ситуацию, которая с ним приключилась. Эта

часть, пожалуй, самая легкая для прочтения. "Потому что смех, как известно, продлевает жизнь".

Часть двадцатая вновь обращает внимание читателя на людей, которые вроде бы незаметны, но составляют Медицинский отряд специального назначения. Это "санитары асфальта" — люди, которые транспортируют раненых.

"Эта история не про генералов и не про стратегию. Эта история про Серегу, Саню, Толика и Зину. Про тех, кто по тридцать часов за рулем, про тех, кто отстреливается от дронов из старенького ружья, высунувшись в окно, и про тех, кто, сидя в темноте кузова, держит за руку умирающего и шепчет: "Потерпи, брат, еще немного. Сейчас наши доведут".

Героизму этих людей уделяется мало внимания на страницах письменной истории, однако их вклад — огромен. В этой части приведены несколько коротких историй обычных дней необычных людей. Автор задается вопросом — что движет людьми в прифронтовой зоне, которые рискуя жизнью, вывозят раненых и заботятся об их жизни по дороге до госпиталя? Это — еще один вопрос для размышления читателя и оценки вклада таких людей в общее дело по спасению жизни отдельного человека, потому что каждый случай — уникален. Организация первичной помощи в военное время большинством медицинских работников изучается только эмпирически в рамках курса на военной кафедре, базовые знания, перенесенные на реальность, оказываются только маленьким сгустком информации по сравнению с тем опытом, который получают в условиях боевых действий.

Часть двадцать первая посвящена человеку — полковнику медицинской службы Ивану Григорьевичу Петрову по прозвищу Горыныч. Иван Григорьевич спокойно работал заведующим хирургическим отделением в обычной городской больнице на пятьсот коек. Его призвали по мобилизации, но у Ивана Григорьевича был свой ответ: "там люди, которым нужна помощь. Здесь я помогаю, там буду помогать. Разница только в декорациях". Однако у Горыныча был еще один мотив приехать в военный госпиталь — передать свой опыт молодым хирургам, научить их, организовать все так, как он делал это в мирной жизни. Иван Григорьевич "читал военную хирургию, консультировался с коллегами по спутниковому телефону, пробовал новые методы. Он должен был стать лучше. Он должен был спасать всех". В коротких историях — случаях из жизни автор рисует подробный портрет врача военного госпиталя. Образ Горыныча вобрал в себя качества Врача (с большой буквы), каким он должен быть, и каким он и был в реальности, постоянно работая над собой, постоянно самосовершенствуясь и своим примером вдохновляя других. Автор отмечает и отношение врача к войне: война — это конкретные люди, которые

стреляют ("Им бы в морду посмотреть"), но в реальности — "смотреть было не на кого. Война безлика. Она просто забирает". Получается, что дело врача на войне — это спасение жизни, с некоей проекцией на то, как потом спасенный боец будет жить и растить детей. Но отношение к войне может быть разное — она и безлика, и может прятаться за отдельными личинами. Она несет смерть как конечный результат действия, производимого вслепую или намеренно, и случай — играет огромную роль: смерть или спасение, которое зависит не только от некоего "провидения", но и от врача, который тоже воюет на собственном поле боя. Иван Григорьевич погиб, спасая жизнь другого человека. Однако в сознании знакомых с ним людей, по свидетельству автора книги, Легенда не умерла: "Они остаются в памяти, в сердцах, в делах тех, кого спасли и научили. Они остаются светом". И память об Иване Григорьевиче Петрове по прозвищу Горыныч осталась еще на страницах книги, и останется с ее читателями.

Название *части двадцать второй* подобрано с юмором "Метод сосны, или 40 способов не умереть ради науки". Нужно отметить, что автор книги до начала Специальной военной операции был достаточно активным и известным редактором автором, публикующим статьи в специализированных научных журналах. Его трудовая деятельность не прервалась работой в военном госпитале.

"Я описывал операцию. Это было не формальное заполнение истории болезни. Это была наука. Чистая, бескорыстная, безумная наука. Мой личный крестовый поход против забвения".

В этой главе поднимается еще один важный вопрос для нашего научного сообщества — как сохранить уникальные знания и опыт, получаемые не в "стерильных" условиях, а во время боевых действий. Хорошо известно, что Н.С. Коротков открыл свои тоны, принесшие ему через много лет мировую славу, во время работы в госпитале в Русско-японскую войну³. В.Ф. Войно-Ясенецкий (архиепископ Лука) по итогам своей работы в госпитале во время Первой мировой войны издал книгу "Регионарная анестезия", а затем — "Очерки гнойной хирургии" по итогам наблюдений за 30 лет (1916-1946). Таким образом, можно сказать, что деятельность врача не ограничивается только практической работой, но еще важна систематизация полученного опыта и его передача дальше — в форме обучения и организации наставничества.

³ См. подробнее: Ослопов В.Н., Терехова А.А., Фраучи И.В., Кузнецова А.М., Ослопова Ю.В., Каримуллина Э.М., Ослопова Д.В., Хазова Е.В. Н.С. Коротков — одинокая и необыкновенная звезда на небосклоне великих имен мировой науки (к 120-летию создания звукового метода определения артериального давления русским хирургом Н.С. Коротковым). Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2026;25(2S):4746. doi: 10.15829/1728-8800-2026-4746. EDN: XQPXHP.

За полтора года автор книги написал сорок статей, делясь с другими своим опытом. "Кому это надо? — злился Новокаин. — Тут, в подвале, никому не надо. Ты бы лучше поел и поспал". Редакции научных журналов тоже, не сомневаюсь, удивились такому количеству статей от одного автора или группы авторов, однако — стоит напомнить им о времени пандемии COVID-19, когда любая информация, любой успешный метод лечения пациента и спасения жизни был важным, и журналы вне гласно давали таким статьям приоритет. Наверно, и в случае такого рода статьям, где рассказывается о практическом опыте, необходимо давать "зеленый свет" и подходить к их рецензированию более деликатно. Я не говорю о снижении качества — наоборот, редакция должна собрать несколько точек зрения у таких же практических врачей и, возможно, сделать допущение — в каких случаях приобретает изложенный в тексте опыт. И иногда проще редактору потратить пару часов и дооформить список литературы по правилам журнала, чем требовать его четкого исполнения у автора, забирающегося на пятнадцатиметровую сосну в любую погоду, чтобы словить сигнал 4G-связи.

"Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что те сорок статей — это не просто мой вклад в науку. Это дневник войны. Это способ сказать миру: мы здесь, мы живы, мы работаем. Мы делаем невозможное в нечеловеческих условиях. Как когда-то великий Пирогов. Он тоже оперировал в палатках, при свете свечей, под пулями. И он тоже писал. Он оставил нам своё наследие. Я не Пирогов, конечно. Но если хоть один молодой хирург, прочитав мою статью, поймёт, как спасти ногу парню с осколочным ранением, значит, всё было не зря. И моя сосна. Моя сосна — она стала символом. Символом того, что даже в самой глубокой яме, в самом темном подвале, можно найти свет. Даже если для этого приходится лезть на дерево под пулями и сбивать дроны каской. Наука — она ведь как воздух. Или как связь. Когда её нет, ты начинаешь задыхаться. Но если очень хочешь дышать — найдёшь способ".

Часть двадцать третья посвящена воспоминаниям. Они бывают разными, но таково свойство человеческой психики — посреди страха, волнений и хронической усталости, как целительный свет пробиваются воспоминания о доме, о детстве и о мирной жизни. В чем смысл жизни? Таким вопросом задается автор книги в этой главе. Юность проходит в спорах и поисках смыслов в книгах известных философов, а сейчас?

"Смысл жизни — в сохранении. В сохранении себя, своей памяти, своей человечности, и в сохранении жизни другого. Когда к тебе приносят парня с развороченным осколками животом, и ты видишь его кишки, его ужас в глазах, сме-

шанный с надеждой, никакой Ницше не нужен. В этот момент Бог, если он есть, смотрит на тебя твоими же глазами. Или через тебя. Ты не философствуешь, ты действуешь. И в этом действии — чистая, не замутненная рефлексией истина. Ты продлеваешь ему жизнь, даешь ему шанс. А он, может быть, когда-нибудь будет сидеть в таком же блиндаже и вспоминать свой дом, свою мать, свою клубнику. И этот круг памяти, круг жизни, не должен прерваться".

Может быть, в этих строках заключается смысл "служения" врача? Когда действием, а не умозаключением отменяются из сознания все "крючки" бытательской жизни и внутри зажигается особый свет, сравнимый с описаниями исихастов. Приведу еще один отрывок из текста книги:

"Мы умираем по-настоящему только тогда, когда нас перестают вспоминать. Когда в чьей-то голове перестает светиться окно нашего детства, перестает пахнуть мамиными пирогами, перестает звенеть отцовский голос. Поэтому я сейчас напрягаю все свои силы, все извилины, чтобы удержать этот образ. Это мой якорь. Моя защита от безумия, которое плещется там, наверху, за тремя накатами бревен".

Это утверждение перекликается с философией Мориса Метерлинка⁴ "мы спим немало, пока нас не разбудит мысль кого-нибудь из живых...", когда посмертное существование похоже на сон, или даже с эпосом о Гильгамеше, когда память живых скрашивает безрадостное существование мертвых. Но, несомненно, эта книга о людях, которые остаются живыми, пока память о них возвращается в историях, в строках, в буквах.

Эта часть состоит из ярких воспоминаний автора, пытающегося найти ответ на свой еще один внутренний вопрос: что движет человеком? Автор считает, что — ответственность перед теми, кто слабее. Он находит смысл своей жизни в конкретной помощи конкретному человеку и делает замечательный вывод: "пока мы помним — мы существуем. А пока мы любим — мы живы по-настоящему".

Последняя — *двадцать четвертая часть* — о раздумьях о вечном: есть ли что-то там — после? У всех его коллег — разное отношение, кто-то верит, что есть, кто-то не верит. Эта часть является неким продолжением предыдущей, потому что автор вновь пытается заглянуть за "край" жизни и олицетворяет смерть: "Иногда мне казалось, что мы с ней ведём бесконечную партию в шахматы". Смерть воспринимается врачом не только как соперник в игре, но и как учитель. Смерть учит "ценности времени", когда понимаешь, что завтрашнего дня может не быть. Смирению — врач должен уметь принять неизбежное, что он не всемогущий. Благодарности — за каж-

⁴ Глава "Страна Воспоминаний". Пьеса "Синяя птица".

дую минуту жизни, которая может оборваться нелепо, глупо и легко.

Врач также не может быть абсолютным материалистом, потому что является свидетелем явлений, необъяснимых логикой: бывает выживают те, кто должен был умереть и наоборот.

"Я не знаю. И чем больше я не знаю, тем больше склоняюсь к мысли, что смерть — это не конец. Не потому что я религиозен. А потому что слишком много в мире нестыковок, слишком много загадок, слишком много чудес, которые наука объяснить не может".

Каждый врач обязательно помнит тех, кого не смог спасти. Эти травматические воспоминания остаются на всю жизнь психологически не проработанными. "Их лица стоят передо мной, когда я закрываю глаза. Они приходят во сне. Они смотрят на меня с неммым вопросом: почему? Почему ты не вытащил меня, доктор? Почему я умер, а другие живут?". Возможно, здесь кроется еще одна проблема врача, с которой он в одиночку справиться не сможет, и ситуация "не отпускает" в течение всей жизни. Воспоминания о "личном кладбище" на самом деле не повод для гордости или печали, а психотравма, и избавление от нее возможно с помощью специалистов. Можно позволить себе плакать, когда хочется, но врач постоянно помнит, что нужно "отключать эмоции и становиться машиной", иначе неконтролируемое горе помешает акту спасения.

В памяти врача обязательно остаются имена и лица тех, с кем он разделил последние минуты жизни, не позволив умереть в одиночестве.

"Что остаётся после нас?" — еще один мучительный философский вопрос, который задает себе врач. "Тело истлевает. Имя забывается через пару поколений. Вещи разбирают родственники или выбрасывают чужие люди. Достижения, если они были, растворяются в общем прогрессе. Что?". Врачу необходима

уверенность, что в его пациентах остается частица заботы, в учениках — частица опыта. А может — через сто лет ученик ученика спасет кому-нибудь жизнь и передаст опыт дальше.

В конце своей книги-размышлении автор больше говорит о смерти и о восприятии врачебного долга в контексте того, что жизнь когда-нибудь оборвется. Это, пожалуй, самое сильное переживание, которое испытывает врач, добровольно избравший свой путь служения людям.

"Но пока я жив, пока моё сердце бьётся, пока мои руки могут держать скальпель, я буду делать своё дело. Буду вырывать у смерти тех, кого можно вырвать. Буду держать за руку тех, кого нельзя. Буду помнить всех. Потому что смерть — это не конец. Это переход. Это дверь. А мы, врачи, — те, кто провожает к этой двери. Иногда — возвращает обратно. Иногда — отпускает. И в этом наше предназначение. В этом наш крест. В этом наша радость и наша боль".

Книга рекомендуется к прочтению тем, кто уже выбрал путь врача или пока размышляет об этом, потому что врач — это не только профессия или навыки ремесла. Это фигура проводника человеческих душ, которого ставили рядом с фигурой священника (рядом, но не перед) со времен Салернской школы, когда медицина приобрела государственное признание. Врачи в школах и университетах до сих пор изучают философию как науку, чтобы понимать о жизни и смерти немного больше обычного человека, занятого мирскими делами. Книга важна для жен и матерей военных врачей, медицинского персонала, санитаров, волонтеров и всех, кто связан с медицинской службой фронта, потому что свет, который они посылают им в своих мыслях и молитвах, спасает жизни. И еще книга сможет изменить мироощущение у тех, кто пока пребывает в сумраке и представляет войну только как цветное "кино".

Отношения и деятельность. В статье представлено личное независимое мнение автора.

Relationships and Activities. The article presents the personal independent opinion of the author.

Родионова Ю. В. — к.м.н., руководитель отдела рецензирования, редактирования и издательской деятельности, руководитель секции, ФГБУ "Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины" Минздрава России. Москва, Россия, ORCID: 0000-0002-6378-6317.

Автор, ответственный за переписку (Corresponding author): cardio2008@yandex.ru

Рукопись получена/Received: 14.04.2026

Принята к публикации/Accepted: 15.04.2026

Для цитирования: Родионова Ю. В. Отзыв на книгу "Позывной Акация: записки военного хирурга". *Кардиоваскулярная терапия и профилактика*. 2026;25(2S):4872. doi: 10.15829/1728-8800-2026-4872. EDN: TUAPEG

For citation: Rodionova Yu. V. Review of the book "Call sign Acacia: notes of a military surgeon". *Cardiovascular Therapy and Prevention*. 2026;25(2S):4872. doi: 10.15829/1728-8800-2026-4872. EDN: TUAPEG

